

И все же Ван Цюань наобещал ему золотые горы, уверяя, будто под прикрытием «Двадцати трех статей о налоговой реформе» удастся провести замену монет бумажными деньгами. И что в итоге? Ни Цзи Вэнцзи, ни Ван Цюаню — двум первым министрам государства — так и не удалось довести это дело до конца! Теперь же Ван Цюань снова явился к нему и заявил: «Ваше величество, не вышло через налоговую реформу — зайдем со стороны жалованья Северо-Западной армии. Воспользуемся положением на Северо-Западном фронте как ширмой и втайне воплотим в жизнь этот великий замысел по замене монет бумажными деньгами!»

Чжао Фу хотя и сомневался, но дал свое согласие.

Приказ серебряных ассигнаций на первый взгляд являлся лишь ведомством, распоряжавшимся жалованьем трех армий. Однако после постройки трех казённых трактов расположенный на Северо-Западе Приказ серебряных ассигнаций превратился в подобие банка будущего! Офицеры сдавали выданное двором жалованье в Приказ серебряных ассигнаций, а при необходимости могли обменять его обратно по распискам. Но со временем Приказ серебряных ассигнаций шаг за шагом начнет выпускать различные бумажные деньги. Больше не придется специально обменивать бумаги на серебро: во всех землях Северо-Запада торговлю и сделки можно будет вести прямо по этим распискам, ведь Приказ серебряных ассигнаций признает бумагу, а не человека!

Именно такую хитрость с утаиванием истинных намерений Тан Шэнь и предложил Ван Цюаню.

Северо-Запад — приграничные земли Великой Сун и Государства Ляо, где из года в год не утихала война. Влиятельные знатные кланы не могли протянуть сюда свои руки, и именно этот край стал наилучшим полигоном для политики замены монет бумажными деньгами. Когда все приготовления будут завершены, а реформу распространят на всю страну, успех превзойдет все ожидания, и у знатных родов не останется ни малейшей возможности дать отпор.

Вот только это дело требовало долгих лет и не могло исполниться в один миг. Поэтому Чжао Фу поручил его полному сил и энергии Ван Чжэню, а не Ван Цюаню.

Что же касается двора, то когда Приказ серебряных ассигнаций официально начал работу, придворные хоть и недоумевали, но так и не смогли понять его истинной сути.

Цзи Вэнцзи молча дал согласие, позволяя Приказу серебряных ассигнаций действовать.

В разгар палящего лета Тан Шэнь принес просмотренные доклады правому канцлеру Сюй Би. Когда Сюй Би закончил их читать, Тан Шэнь уже собрался вернуться к себе, как вдруг Сюй Би со смехом произнес:

— Господин Тан, сегодня у двора много дел, так что докладов вам придется просмотреть куда больше обычного.

Тан Шэнь остановился и, повернувшись, ответил:

— Подчиненный слушается.

Вернувшись к себе в комнату, Тан Шэнь увидел, что служащие и впрямь притащили еще один сундук с докладами и водрузили его на стол. Раскрыв бумаги, он обнаружил, что там лежали не только донесения о военных делах Северо-Запада: доклады из провинций, к которым Сюй Би в прошлом году перестал его допускать, теперь вернулись обратно. Тан Шэнь молча разглядывал эти донесения. Он закрыл глаза и глубоко задумался, пытаясь понять, что именно Сюй Би предпринял за прошедший год с лишним в своей сложной комбинации.

В конце концов он невольно усмехнулся.

Сюй Би ничего не делал!

Фракция Цзи подверглась опале, Фракция Вана понесла некоторые потери, но и одержала свои победы. Человек Чэнь Линхя занял место Цинь Сы, став правым заместителем главы Финансового приказа. А сам Сюй Би ничего не получил, но ничего и не потерял! В глазах императора он по-прежнему оставался невидимкой — лишенным всякого влияния правым канцлером, сановником, от которого не исходило практически никакой угрозы.

Тем временем правый заместитель главы Приказа чинов Юй Чаошэн вошел в покои Сюй Би и склонился в поклоне:

— Приветствую учителя.

Сюй Би улыбнулся ему:

— Сяньчжи, вы с этим Тан Цзинцзэ словно сговорились: стоит ему уйти, как появляешься ты.

Юй Чаошэн удивленно спросил:

— Господин Тан был здесь?

— Садись, — ответил Сюй Би.

Учитель и ученик сели друг против друга. Они немного поговорили об учениях и науках, после чего речь зашла о семье Юй Чаошэна. Тот вернулся в Шэнцзин полгода назад, и несколько дней назад его супруга родила ребенка. Юй Чаошэн пришел сегодня именно для того, чтобы попросить наставника дать имя новорожденному.

Сюй Би сказал:

— Ты женат уже больше десяти лет и наконец обрел наследника, что сняло капли тревоги с моего сердца. Знаешь ли ты, что пару лет назад я почти решил, будто ты, подобно этому Ван Цзыфэну, поддался Страсти Лунъян?

Юй Чаошэн обомлел:

— У господина Вана любовь Лунъяна? Как учитель узнал об этом?

Сюй Би спросил в ответ:

— А если бы не любовь Лунъяна, с чего бы ему в двадцать восемь лет до сих пор не быть женатым? Сяньчжи, Сяньчжи, подумай об этом мелочном деле немного, и сам все поймешь. Наш государь наверняка тоже знает об этом. Иначе, раз в Великой Сун зятьям императора не запрещено быть чиновниками, столь завидного жениха Его Величество давным-давно обручил бы с какой-нибудь принцессой.

Юй Чаошэн смущенно ответил:

— Ваш ученик проявил глупость.

— Наш государь оказывает ему столь высокое доверие еще и потому, что знает: тот одинок и у него никогда не будет потомков, — сделал паузу Сюй Би и продолжил: — Впрочем, не будем о

нем. Это твой первенец, ему нужно дать хорошее имя. Как насчет «Фа кэ»? «Не срубить рукоять без топора»... Пусть зовется Юй Кэ, как тебе?

— Благодарю учителя за имя.

Они поговорили еще немного, Сюй Би сделал глоток чая и многозначительно произнес:

— В прошлом году Ван Цюань подал доклад о проведении «Двадцати трех статей о налоговой реформе», и я тут же перевел Тан Цзинцзэ на просмотр докладов с Северо-Запада, отстранив от дел провинций. Кто бы мог подумать, что в этом году Ван Цюань предложит учреждение Приказа серебряных ассигнаций на Северо-Западе. Приказ серебряных ассигнаций, Северо-Запад... Этот Тан Цзинцзэ — поистине любопытный человек.

Тридцатый год Кайпин, двадцать третье число седьмого месяца. Северо-Запад, тридцать ли от города Яньчжоу.

Летняя ночь на Северо-Западе была обжигающей, словно крепкое вино. Воздух стоял невероятно сухой, и порывы бешеных ветров вовсе не приносили прохлады, а лишь болезненно обжигали лицо. Более тридцати молодых воинов в черных ночных одеяниях затаились за небольшим холмом, тихо наблюдая за тем, что происходило впереди.

В самом центре этой группы находился высокий, темнокожий и статный генерал. Его яркий, пылающий взгляд был прикован к извилистой тропе под холмом. Лунный свет, отражавшийся в его искренне увлеченных глазах, казался почти обжигающим.

«Цок-цок...»

Издалека донесся стук копыт и скрип повозок.

Через четверть часа у подножия холма показался торговый караван людей, одетых по обычаю Ляо. Стоило им поравняться с двумя огромными валунами, как возглавлявший их купец из Государства Ляо неожиданно провалился в ловушку, и среди коней началась паника.

— Засада! Засада! — закричали ляосцы на своем варварском наречии.

На вершине холма со звоном выскочило из чехла белоснежное копье Гусиное Крыло. Ли Цзиндэ грозно рявкнул:

— Где Армия Летающего Дракона?!

Под лунным небом более тридцати воинов в один голос громогласно отозвались:

— Здесь!

— За мной, в атаку!

— Есть!

Воины Государства Ляо, маскировавшиеся под торговцев, услышали этот оглушительный клич, сотрясший небеса и землю, и перепугались до смерти. Они взглянули на холм... и увидели, что нападающих всего несколько десятков! Но эти тридцать человек кричали так, будто их были тысячи. Разразившись ругательствами, ляоские солдаты выхватили из повозок сабли и устремились навстречу.

Под яркой луной клинки вонзались в плоть, и брызги крови летели во все стороны.

Белая кисточка на копье Гусиное Крыло окрасилась алой кровью.

После долгой резни Армия Сун взяла в плен нескольких воинов Государства Ляо и захватила весь караван с военным жалованьем и провиантом.

Один из солдат привел к Ли Цзиндэ связанного ляосца:

— Генерал, предводитель ляоских воинов убит, а этот тип, похоже, самый чиновный из всех пленных. Он не солдат Ляо, а гражданский чиновник. Несколько ляоских воинов пытались вытащить его из боя, но мы их скрутили.

Ли Цзиндэ вытер рукавом кровь с лица:

— Неужто важная птица?

Чиновник Ляо, как ни странно, сносно говорил на языке Сун. Он плюнул в сторону генерала:

— Ли Цзиндэ, скотина! Завтра наша Армия Ляо подступит к твоему городу Ючжоу, отрубит твою башку и повесит на городских воротах!

В следующее мгновение серебряное копье насквозь пробило грудь ляоского чиновника. Тот с невыразимым изумлением уставился на Ли Цзиндэ, так до самой смерти и не поняв, как кто-то мог просто так убить пленного — да еще и такого ценного, как он.

— Мать твою за ногу! Я молчу, а ты решил, что я не умею злиться?

Солдат Армии Сун беспомощно воскликнул:

— Генерал!

— Пошли-пошли, везите добычу, вернемся — вытребуем у главнокомандующего что-нибудь получше.

Тридцатый год Кайпин, девятый месяц. Строительство двух казённых трактов, ведущих к Ючжоу и Цычжоу, было полностью завершено.

Глава Приказа общественных работ Юань Му и правый заместитель главы Приказа общественных работ Су Вэньюнь вместе вернулись в столицу и доложили Его Величеству. Император был несказанно рад и щедро наградил придворных. На самом деле казённый тракт Сичжоу должен был быть закончен гораздо раньше, но из-за обрушения Моста через реку Цзинхэ никто больше не смел работать спустя рукава. Все мастера стремились к совершенству, оттого строительство и затянулось.

Вернувшись в столицу, Су Вэньюнь стал совмещать должности правого заместителя главы Приказа общественных работ и заместителя главы Судебного приказа. Его слава гремела на весь Шэнцзин, и он превратился в невероятно влиятельную фигуру.

Семья Су из Бэйчжили являлась одним из процветающих и знатных родов Великой Сун. Вот только большинство выходцев из рода Су были военачальниками, и среди гражданских чиновников Су Вэньюнь занимал самый высокий пост.

Вернувшись в столицу, Су Вэньюнь также стал исполнять обязанности во Дворце Циньчжэн.

Тан Шэню неизбежно пришлось несколько раз пересечься с ним, однако господин Су, как и подобает вельможе, быстро забывал мелкие лица и уж точно не обращал внимания на какого-то Тан Шэня. Они больше не поддерживали никаких связей, чему Тан Шэнь был только рад.

Заместитель главы Судебного приказа ведал делами провинившихся чиновников по всей империи, так что никто не желал нажить себе врага в лице Су Вэньюня.

<http://bllate.org/book/18292/1754621>